

Итоги царствованія.

Несомнѣнно, противники Ивана, а за ними и его позднѣйшіе обвинители слишкомъ преувеличивали размѣры его казней. По словамъ Курбскаго, царемъ были уничтожены цѣлые боярскіе роды; таковы были, напримѣръ: Колычевы, Заболоцкіе, Одоевскіе, Воротынскіе. Однако, всѣ эти имена мы находимъ въ памятникахъ послѣдующаго времени. Гораздо большія опустошенія въ рядахъ аристократіи были произведены эмиграціей, которая, однако, отнюдь не уничтожила этого сословія. Самъ Грозный въ отношеніи къ боярству не проводилъ никакой безусловной системы; мы знаемъ, что онъ старался обезпечить положеніе такихъ знатныхъ родовъ, какъ Мстиславскіе, Глинскіе и Романовы. Очевидно, онъ не боялся измѣны со стороны этихъ фамилій, которые не имѣли особыхъ связей въ Московскомъ государствѣ, и, въ довершеніе всего, находясь въ матеріальной зависимости отъ царя, были порою соединены съ нимъ родственными узами. Дѣйствительно, два первыхъ рода лишь недавно переселились изъ Литвы, а Захарыны-Кошкины—выдали Анастасію Романовну замужъ за Ивана.

Ослабленіе родовой знати зависѣло, главнымъ образомъ, отъ экономическихъ причинъ, тѣсно связанныхъ съ извѣстными государственными мѣропріятіями. Разсматривая соціально-экономическія отношенія XIV вѣка, мы, прежде всего, замѣчаемъ дробленіе земельной собственности боярства: это было вызвано общей задолженностью московской знати. Въ приходо расходныхъ книгахъ одного тогдашняго ростовщика, Протопонова, мы находимъ цѣлый рядъ громкихъ фамилій, принадлежащихъ его должникамъ. Если же мы обратимся къ архивамъ Кирилловскаго монастыря, то мы легко себѣ представимъ, какъ совершался процессъ раздробленія боярской земельной собственности. Въ 1557 году, очевидно, исчерпавъ свой кредитъ у разныхъ Протопоновыхъ, князь Д. Д. Ухтомскій продаетъ братіи этого монастыря за 350 рублей большое село съ принадлежащими къ нему 17-тью поселками. Три года спустя, онъ получаетъ отъ нихъ еще 150 рублей, уступая за это четыре новыхъ поселка. Одновременно съ этимъ, обитель пріобрѣтаетъ у тѣхъ же Ухтомскихъ обширное помѣстье; наконецъ, въ 1575 году ей достается такимъ же путемъ значительный луговой участокъ — «за обѣдни». Такъ или иначе, все имущество Ухтомскихъ переходитъ такимъ, образомъ въ чужія руки (*Рожковъ*, Сельское Хозяйство въ Московской Руси, 1899, ст. 396).

Чѣмъ же вызвано такое обѣдненіе знатныхъ московскихъ фамилій? Несомнѣнно, оно является прямымъ послѣдствіемъ новаго политическаго режима и тѣхъ обязательствъ, которыя возлагалъ онъ на родовую знать. Всеобщая служебная повинность заставляла боярство жить или при самомъ дворѣ, или въ близкомъ съ нимъ сосѣдствѣ; если же служилый человекъ не находился въ войскѣ, то онъ, во всякомъ случаѣ, несъ на себѣ какую нибудь государственную должность. Проживая въ родовой вотчинѣ, бояре еле-еле извлекали изъ своего хозяйства скудный доходъ; теперь, вынужденные покидать свои насиженные гнѣзда, они неизбежно и скоро приходили къ полному разоренію. Затѣмъ явилась опричина; я уже показалъ, что она представляла собою массовую экспропріацію, совершаемую правительствомъ на извѣстныхъ общихъ основаніяхъ. Этимъ былъ нанесенъ смертельный ударъ экономическому благосостоянію и политическому значенію боярства, и безъ того уже терявшаго почву подъ ногами. Въ довершеніе всего, какъ мы знаемъ, Иванъ сталъ широко примѣнять систему круговой поруки среди боярства. Благодаря этому, послѣдствія эмиграціи отразились на положеніи московской знати въ десять,

а, можетъ быть, и въ сто разъ тяжелѣе: вѣдь за одного бѣглеца приходилось платиться десяти, а то и ста другимъ. Вотъ почему, за исключеніемъ Строгановыхъ, мы едва ли можемъ указать какую-нибудь богатую и знатную фамилію, которая уцѣлѣла бы отъ этого экономическаго разгрома. Правда, еще донинѣ среди богатыхъ русскихъ семей попадаются настоящіе потомки Рюрика или Гедимина; таковы, напримѣръ, Трубецкіе, Голицыны, Куракины, Салтыковы, Бутурлины. Однако, богатство этихъ фамилій не старше XVIII вѣка: по большей части, оно создавалось милостями какой-нибудь императрицы.

Какъ извѣстно, отъ западной аристократіи русская знать отличалась отсутствіемъ феодальнаго духа. Теперь, въ XVI столѣтіи, она подверглась окончательной демократической нивеллировкѣ. Конечно, служебная іерархія, сама по себѣ, создавала новыя званія и прерогативы; онѣ облакались въ стройную систему мѣстныхъ счетовъ. Но, во всякомъ случаѣ, здѣсь не было ничего общаго съ корпоративнымъ духомъ, въ европейскомъ смыслѣ этого слова. Напротивъ, весь этотъ порядокъ дробилъ даже самую семью, обращая ее въ разрозненные атомы, надъ которыми спокойно укрѣпляла свое господство торжествующая центральная власть.

Казалось бы, народъ долженъ былъ бы остаться въ выигрышѣ отъ этой соціальной революціи; однако, на его долю достались и здѣсь одни только горькіе плоды. Новый строй представлялъ собою зданіе въ два этажа, возведенныхъ по одному и тому же плану. Верхній этажъ занимали служилые люди, нижній—простой народъ; но какъ тѣ, такъ и другіе были рабами. Впрочемъ, въ этомъ случаѣ Грозный лишь продолжалъ или завершалъ ту программу, которая уже два вѣка была принята московскими государями. Самая причина являлась лишь болѣе широкимъ примѣненіемъ той системы, которой держались предшественники Ивана по отношенію ко вновь приобретаемымъ городамъ и областямъ. Въ сущности, причина была не чѣмъ инымъ, какъ колонизаціей навыворотъ. Что касается обычной колонизаціи, то въ XVI вѣкѣ она, какъ и прежде была, дѣломъ частной инициативы. Однако, и ей Грозный открылъ новые пути.

Правда, на западѣ Иванъ потерпѣлъ неудачу, пытаясь раздвинуть границы своей державы. Однако, было бы несправедливо возлагать въ этомъ всю отвѣтственность на него одного. Спустя полтора вѣка, попытку Ивана повторилъ Петръ Великій. Если бы, вмѣсто безумца,

какимъ былъ Карль XII, великій преобразователь встрѣтилъ передъ собою новаго Баторія, быть можетъ, Полтавская битва имѣла бы иной исходъ. Зато, на востокъ, Иванъ приобрѣлъ Казань, Астрахань и Сибирь; нельзя не признать, что это было хорошей добычей.

Надо оговориться, что, съ экономической точки зрѣнія, завоеваніе Казани не дало тѣхъ непосредственныхъ выгодъ, которыхъ можно было ожидать. Очевидно, татары преувеличивали размѣры своей торговли, желая, чтобы султанъ отнялъ этотъ городъ у русскихъ. Во всякомъ случаѣ, англійскіе купцы были весьма разочарованы, познакомившись съ Казанью. Однако, Иванъ постарался вознаградить себя въ другомъ мѣстѣ. Предоставляя шведскимъ купцамъ свободный путь по своимъ землямъ хотя бы для проѣзда въ Индію, онъ хлопоталъ передъ ихъ правительствомъ о такихъ же льготахъ для своихъ собственныхъ подданныхъ. Цѣлью Грознаго было поддержать или создать отношенія съ иностранными рынками отъ Любека до самой Испаніи. Въ 1561 году лѣтописи упоминаютъ о путешествіи русскихъ купцовъ въ Антверпенъ и Лондонъ. Въ 1568 году англійскіе источники отмѣчаютъ присутствіе на берегахъ Темзы двухъ такихъ пріѣзжихъ изъ Московіи: то были Твердиковъ и Погорѣловъ. Къ нимъ относились, какъ къ посламъ; несомнѣнно, они совмѣщали въ своемъ лицѣ дипломатовъ и торговыхъ людей.

Что касается промышленности въ эпоху Ивана, то ея развитіе было, по преимуществу, внѣшнимъ. Весьма замѣтно содѣйствовали ея расширенію завоеванія Грознаго на востокъ. Приобрѣтеніе низовьевъ Волги вызвало ростъ рыбныхъ промысловъ. Въ 1562 году мы находимъ въ Переяславлѣ девяносто девять предприятий такого рода. Весьма широкіе размѣры приняло добываніе соли послѣ занятія Строгановыми Камскаго бассейна и открытія соляныхъ копей близъ Астрахани.

Финансовая политика Ивана едва ли заслуживаетъ сочувствія: вся она сводилась къ ряду мѣропріятій чисто хищническаго характера. Нѣкоторыя указанія на этотъ счетъ можно найти у Флетчера. По его словамъ, Московское правительство широко потворствовало агентамъ мѣстной администраціи; оно давало имъ обогатиться всевозможными поборами, а затѣмъ—силою заставляло выдать себѣ награбленную такимъ образомъ добычу. Той же системы держалось оно и по отношенію къ монастырямъ, которымъ оно намѣренно давало возможность накоплять богатства. Далѣе, правительство практи-

ковало откупа или монополіи нѣкоторыхъ производствъ или извѣстныхъ видовъ торговли, при чемъ изъ этого источника добывались весьма значительные доходы. Наконецъ, оно постоянно прибѣгало къ денежнымъ взысканіямъ съ должностныхъ лицъ, предъявляя къ нимъ вымышленныя обвиненія. Между прочимъ, англійскій дипломатъ сообщаетъ почти невѣроятный случай: по его свидѣтельству, правительство потребовало однажды отъ города Москвы цѣлую шапку... живыхъ мухъ.

Налоги также являлись источникомъ эксплуатаціи, которымъ правительство пользовалось самымъ нераціональнымъ образомъ. Вообще говоря, всякую свою потребность оно спѣшило удовлетворить введеніемъ новой подати. При этомъ оно совершенно не задумывалось надъ соотвѣтствіемъ между налоговымъ бременемъ и платежными силами населенія. Другими словами, ему и не приходило въ голову, что оно рискуетъ зарѣзать курицу, несущую золотыя яйца. Къ концу царствованія Ивана эта курица уже совсѣмъ переставала нестись.

Завоеваніе Казани и Астрахани имѣло значеніе, главнымъ образомъ, для Церкви, сфера дѣятельности которой чрезвычайно расширилась, благодаря территориальному росту государства. Первому архіепископу казанскому, Гурію, удалось обратить въ христіанство довольно многихъ татаръ; однако, до самаго конца царствованія, наряду съ этими успѣхами православнаго прозелитизма мы видимъ упорную борьбу съ нимъ со стороны языческихъ элементовъ, уцѣлѣвшихъ даже во внутреннихъ областяхъ государства,—между прочимъ, въ нѣкоторыхъ районахъ Новгородской земли. Что касается попытокъ религіозной реформы, то, какъ извѣстно, Иванъ скоро отстранился отъ нихъ или, въ лучшемъ случаѣ, оказывалъ имъ самую слабую поддержку. Поэтому онѣ и не привели ни къ какимъ существеннымъ результатамъ, такъ что умственный и моральный уровень духовенства остался такимъ же, какъ и прежде.

Впрочемъ, рассматривая царствованіе Грознаго съ болѣе широкой точки зрѣнія, мы не можемъ не отмѣтить въ эту эпоху извѣстнаго умственнаго подъема. Пусть школы, которыя предполагалось устроить послѣ Собора 1551 г. такъ и остались въ проектѣ; пусть книгопечатаніе ограничивалось самыми примитивными опытами. Во всякомъ случаѣ, авторъ посланій къ Курбскому долженъ быть признанъ представителемъ новаго умственнаго движенія, которое покидало монастырскія кельи и изъ душной атмосферы религіозныхъ пре-

ній выходило на широкій просторъ мірскихъ интересовъ. Это начало духовной секуляризаціи явилось одной изъ самыхъ крупныхъ побѣдъ царствованія Грознаго.

И, однако, не исключая своихъ международныхъ сношеній, Иванъ не могъ или не хотѣлъ отрѣшиться отъ нѣкоторыхъ традицій варварства, которыя плохо мирились съ требованіями прогресса. Какъ и раньше, Московскій дворъ нерѣдко обращался съ иноземными послами точно такъ же, какъ съ военноплѣнными. Что касается плѣднихъ, то ихъ судьба была при Иванѣ самой плачевной. Счастливы были они, если ихъ продавали или раздавали монастырямъ въ качествѣ холоповъ. Случалось, что ихъ просто топили въ водѣ. Въ 1581 г. Иванъ приказалъ, по минованіи надобности, убить шведскихъ *языковъ*: такъ назывались тѣ люди, которыхъ захватывали съ оружіемъ въ рукахъ или за мирными занятіями, чтобы добыть отъ нихъ необходимыя свѣдѣнія о неприятелѣ. Плѣнные поляки или шведы служили обычной единицей обмѣна при торговыхъ сдѣлкахъ татарскихъ купцовъ съ Константинополемъ.

Какъ бы то ни было, при всѣхъ своихъ недостаткахъ и порокахъ, слабостяхъ и неудачахъ, Грозный пользовался широкой популярностью. То была настоящая популярность, передъ которой безсильны оказались какъ несчастія Ивана, такъ и вліяніе времени. Несомнѣнно, и это обстоятельство слѣдуетъ отмѣтить, какъ одинъ изъ крупныхъ результатовъ царствованія. Въ циклѣ московскихъ историческихъ пѣсень Грозный занимаетъ почетное мѣсто и отнюдь не характеризуется какими либо отталкивающими чертами. Напротивъ, онъ доступенъ человѣческимъ чувствамъ; онъ строгъ, но справедливъ и даже великодушенъ. Нѣтъ спора, такая высокая оцѣнка Грознаго, въ значительной степени, зависѣла отъ религіознаго отношенія подданныхъ къ его власти: оно окружило его мистическимъ ореоломъ, охраняя его особу отъ всякихъ посягательствъ критики. Однако, и помимо того, мы ясно чувствуемъ, что народныя симпатіи—на его сторонѣ. Предастся ли онъ кровавымъ оргіямъ надъ трупами побѣжденныхъ татаръ, или, по простому подозрѣнію, ввергаетъ своихъ бояръ въ руки палача,—народъ неизмѣнно даритъ ему свое сочувствіе; онъ восгѣиваетъ утѣхи своего царя точно такъ же, какъ и его казни. Если же онъ не можетъ выразить Грозному свои восторги, онъ почтительно потупляетъ глаза и смиренно набрасываетъ покровъ вымысла на то, что возмущаетъ его нравственное чувство. Народъ не хочетъ, чтобы царь убилъ

своего сына. Едва отдавъ свое жестокое приказаніе, Грозный раскаивается и щедро награждает Никиту Романовича, который съ опасностью жизни спасъ царевича. Народъ признаетъ въ царѣ нѣкоторыя слабости: онъ знаетъ, что Грозный вспыльчивъ, и что первое его движеніе не всегда бываетъ самымъ благороднымъ. Подъ стѣнами Казани, куда тенденціозная народная фантазія, вмѣстѣ съ Иваномъ, приводитъ Ермака и даже Стеньку Разина, царь заподозрѣваетъ въ измѣнѣ своихъ нерасторопныхъ размысловъ - инженеровъ: онъ уже угрожаетъ имъ висѣлицей. Какъ всегда то бываетъ въ народной исторіографіи, трусливые воеводы стараются спрятаться за спинами своихъ подчиненныхъ. Но тутъ выступаетъ молодой ратникъ, который смѣло защищаетъ своихъ сотоварищей; подкопъ взрывается, и царь самъ признаетъ свою ошибку и заслугу скромнаго героя. Въѣхавши во взятый городъ, Иванъ милуетъ царицу Елену, которая выходитъ навстрѣчу къ нему съ хлѣбомъ-солью. Онъ только насильно креститъ ее въ вѣру христіанскую и заточаетъ въ монастырь. Зато онъ приказываетъ выколоть глаза царю Симеону, который выказалъ меньше покорности и больше достоинства... И здѣсь опять народъ на сторонѣ побѣдителя.

Здѣсь—вся мораль той эпохи, съ которой связано имя Грознаго. Эта мораль сводится къ культу матеріальнаго величія и грубой силы. Во имя такого идеала русскій народъ готовъ былъ пожертвовать всѣмъ остальнымъ; при этомъ, разумѣется, онъ создавалъ себѣ иллюзію относительно конечной цѣли подобныхъ стремленій и закрывалъ глаза на то, что приносилось имъ въ жертву. Въ мечтахъ народа онъ самъ и его царь сливались воедино: этимъ мечтамъ суждено было воплотиться тогда, когда на смѣну Ивана выступилъ Петръ, дабы завершить дѣло, которымъ открывается исторія Новой Россіи. Смерть Грознаго оставляла это дѣло незаконченнымъ. Иванъ, главнымъ образомъ, разрушалъ старый порядокъ: на созданіе новаго у него не хватило времени. Несчастный соперникъ Баторія и убійца царевича, онъ оставилъ въ наслѣдіе своему государству войну съ Польшей и великую смуту. Скоро новый напоръ побѣдоносныхъ враговъ съ запада отдалъ имъ въ руки самую Москву, открывшую свои ворота передъ призракомъ убіеннаго Дмитрія. Съ другой стороны, боярская олигархія опять подняла свою голову, пользуясь шаткостью незавершеннаго Грознымъ государственнаго порядка. Все это таилось въ зародышѣ уже при Иванѣ IV: оно-же составило главное содержаніе

всего XVII столѣтія. Но, вѣдь, и Петру Великому не удалось обезпечить свое наслѣдіе отъ случайностей. Свѣтъ, который онъ возжегъ среди мрака, казалось, совсѣмъ уже погасъ; однако, на помощь ему явилась Екатерина II. Очевидно, ничто не могло сокрушить новую историческую силу. Она была огромна. Она росла материально; она закалялась нравственно. Въ ней былъ прочный залогъ великаго будущаго Россіи (*).

(*) Первымъ обратилъ вниманіе на противорѣчія въ характерѣ Ивана *Щербатовъ* въ своей исторіи Россіи, V, III част. У *Карамзина* мы находимъ двухъ несходныхъ Ивановъ—одного въ VIII, другого въ IX томахъ. По пути *Карамзина* пошли: *Полевой*, Исторія русскаго народа, VI; *Погодинъ*, Историко-критическіе отрывки, I; ср. *его-же*, Царь Иванъ Васильевичъ, въ Архивѣ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, 1859 кн. V; *Костомаровъ*—см. Вѣстн. Европы, 1871 № 10; всѣ они приписывали поступки Ивана внѣшнимъ вліяніямъ. Въ критической статьѣ о *Константинѣ Аксаковѣ*, Спб. 1861, *Ко томаровъ* слѣдуетъ этому писателю въ характеристикѣ Ивана, какъ актера.—Московская историческая школа, представителями которой являются *Кавелинъ* (сочиненія I) и *Соловьевъ*, держатся иной точки зрѣнія на Грознаго, стараясь установить извѣстную связь между этимъ царемъ и его исторической средою. На это обратилъ вниманіе уже Бѣлинскій (сочиненія, II). *Ю. Самаринъ* (сочиненія V) и *Бестужевъ-Рюминъ* (Исторія, II) подчеркивали въ Иванѣ слабость воли, какъ его главную особенность. То же самое мы находимъ у *Яроша* въ его Психологической параллели между Иваномъ IV и Петромъ Великимъ, Харьковъ 1898. Наконецъ, *П. Ковалевскій* (Психіатрическіе очерки, Спб. 1893, III) доказываетъ, что Грозный былъ душевно-больнымъ.